

МИФЫ, НЕБЫЛИЦЫ И ФАКТЫ... О БИБЛИОТЕЧНОМ СЧАСТЬЕ

Итак, дискуссия между А.В. Соколовым и В.К. Степановым (мартовский, апрельский и майский номера «УК»), начавшаяся с содержания библиотечного учебника по аналитико-синтетической переработке информации и дошедшая в итоге до понятий «библиотечного счастья» и «действенного гуманизма», завершена. Позднее обсуждение этих вопросов было перенесено на профессиональные площадки в соцмедиа.

Данная тема оказалась настолько актуальной для философского осмысления будущего библиотек, что «УК» не мог не обратиться за комментариями к ведущим специалистам отрасли. Слово экспертам.

Юрий Николаевич СТОЛЯРОВ

доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник
Центра исследований книжной культуры РАН

Гуманизм и технократизм: сближение позиций

Состязание двух умнейших представителей нашей профессии доставило мне истинное удовольствие и по содержанию: обсуждаются самые острые, самые злободневные вопросы библиотечной деятельности, и по форме: страстной, но предельно корректной и уважительной по отношению к позиции друг друга, к состоянию библиотек, библиотечного образования. Оба оппонента убедительно аргументировали свои позиции — ссылками на статистику, авторитетные труды, среди которых заметное место занимают их собственные работы, раскрывающие отстаиваемый тезис глубже и полнее. В конечном счёте оба участника диспута сошлись в том, что в их взглядах больше сходства, чем различий, и это действительно так.

О чём же тогда, по большому счёту, спор и на чьей стороне мои симпатии?

В.К. Степанов — лидер библиотехнократизма. Гуманистическую миссию библиотеки он признаёт — но, так сказать, в общем и целом. Рассуждения о ней считает малопродуктивными и потому предлагает сконцентрировать внимание учёных, преподавателей, библиотекарей-библиографов на технологической составляющей, поскольку без неё, и он прав, библиотеки обречены на весьма скорое исчезновение. А.В. Соколов закономерно отдаёт приоритет необходимости глубокого осознания всем библиотечным сообществом и шире — государством и обществом — гуманистической миссии библиотек, а инфотехнологии предлагает понимать как вспомогательное средство движения к гуманизму.

В.К. Степанов полагает, что центр тяжести в библиотечном образовании следует перенести на изучение непрерывно обновляющихся информационных технологий, резко сократив преподавание фундаментальной части (в силу бедности её содержания, а неявно просматривается: и в силу её практической малоценности). А.В. Соколов убеждён, что фундаментальные ценности наших дисциплин в преподавании и в практической деятельности библиотек надо резко усилить, одновременно приобщая питомцев к самым современным

технологиям. Приобщать, но в силу возможностей, увы, весьма ограниченных.

Попробую высказать и обосновать своё понимание этих дилемм.

В первой коллизии принимаю, хотя и с оговорками, сторону А.В. Соколова. Библиотекарь, и прежде всего будущий, должен быть глубоко убеждён в смысле и конечной цели своей профессиональной деятельности, иначе он потеряет в ней ориентир, что сейчас и имеет место на практике и в преподавании. И об этом смысле, об этой цели он должен слышать повседневно, осознавать их с разных сторон, они должны стать его глубинным, внутренним, сущностным убеждением.

Но одного этого мало — и тут я усматриваю недостаточную проработку вопроса А.В. Соколовым как главным идеологом библиогуманизма: библиотекарь должен ясно понимать, в чём конкретно должен проявляться его гуманизм, причём на каждом производственном участке, будь то отдел комплектования, обработки, хранения, выдачи или любой иной. Ведь многие библиотекари следили за этой острой дискуссией с большой долей недоумения: а разве они не выполняют сегодня этой своей миссии? Изучите планы мероприятий любой библиотеки, начиная от самой низовой и кончая национальной: не этому ли посвящены все их мероприятия, разве библиотека призывает к чему-либо антигуманному? Короче говоря, позиция А.В. Соколова в этом вопросе нуждается в конкретизации, причём на всех уровнях, начиная с общегосударственного.

Рассмотрим вторую коллизию. В.К. Степанов правильно ухватил и ещё одну слабую позицию в концепции своего оппонента: хочет того Аркадий Васильевич или нет, а в его взглядах очень сильно прослеживается симпатия к печатной книге и отторжение электронной. Во всяком случае, при ознакомлении с его взглядами у меня складывается такое ощущение. И тут мои симпатии перемещаются в сторону В.К. Степанова. Надо исходить прежде всего из содержания документа, а не из его исторически переменчивой формы. Мы сейчас находимся точно в таком положении, что и наши средневековые коллеги в момент появления книгопечатания. Традиционными на наших глазах становятся книги электронные.

Почему происходят такие несуразицы? Потому что на практике имеет место примитивный, ползучий эмпиризм (А.В. Соколов как истинный профессор и интеллигент элегантно именуется его позитивизмом). Потому что В.К. Степанов как типичный представитель критикуемых А.В. Соколовым «позитивистов», или, лучше сказать, эмпириков, недооценивает значение фундаментальных знаний. Да в фундаментальных-то положениях и состоит вся суть, вся прелесть и всё значение подлинного высшего, подлинно университетского образования!

В.К. Степанов же признаёт два-три общетеоретических положения, но и то, так сказать, вынужденно, воспринимая их как дань моде. Поскольку совсем отказаться от них нельзя, неприлично, он полагает, что их можно свернуть до одного семестра, после чего заняться действительно нужным делом. То, что из всех наших теорий он признал «сквозь зубы» весьма ограниченное их число, притом и в них не увидел большого практического прока, характеризует его как теоретика и вынуждает посочувствовать ему.

И тем не менее попробую показать важность, — причём в границах только тех понятий, которые В.К. Степанов фактически признаёт, — общетеоретических знаний. Он исходит из методологического положения о том, что сущностная функция библиотеки — информационная. Этот постулат представляется ему настолько самоочевидным, что он его не обсуждает, а просто принимает к исполнению и выстраивает дальнейшие рассуждения и выводы исходя из этого представления. А что если представление о том, что информационная функция библиотеки — не только не сущностная, а что библиотека (никакая и никогда) вообще её не выполня-

«**Надо исходить прежде всего из содержания документа, а не из его исторически переменчивой формы. Мы сейчас находимся точно в таком положении, что и наши средневековые коллеги в момент появления книгопечатания. Традиционными на наших глазах становятся книги электронные**»

ет, т.е. эта функция ей несвойственна в сущности? Если В.К. Степанов с этой идеей не согласен, он должен был в своих рассуждениях выдвинуть контраргументы. А если высказанная мысль Вадима Константиновича своей неожиданностью огорошит, то это означает, что он за общетеоретической дискуссией на эту тему не следит (за ненадобностью, по его убеждению, самой дискуссии). А что если вдруг в итоге обсуждения выяснится, что **информационную функцию выполняет документ** как часть библиотечного фонда, а уже библиотечный фонд имеет функцию иную, не информационную. Функция библиотеки как ещё более сложной системы и вовсе не может быть сведена к функции своей подсистемы и тем более одного из множества элементов. Но если **сущностная функция библиотеки не информационная**, то буквально **все** построения В.К. Степанова лишаются опоры и падают в бездну. Так следует ли библиотекаря — как будущего, так и сегодняшнего — обстоятельно ввести в курс общего представления о сущности библиотеки, о классификации и систематике её функций, чтобы затем к выбору и исполнению функций он подходил осмысленно? Вот здесь утвердительный ответ действительно самоочевиден.

Второе направление, по В.К. Степанову, — «помощь читателям в решении проблем, связанных с поиском и оценкой пертинентной для них информации...». Так, значит, сначала надо разработать, а затем ухитриться квалифицированно преподавать теорию пертинентности и релевантности, критерии оценки предоставляемой информации с точки зрения эффективности и — отдельно — качества этих критериев. А также и многое другое, что и составляет суть современных остроактуальных теоретических библиотечно-библиографических разработок.

Третье направление — «распространение информационной культуры, неотъемлемым элементом которой является умение распознавать и противостоять манипулированию сознанием индивидуума или общественной группы». Но, помилуйте, именно этим на протяжении десятилетий и занимается, например, профессор Кемеровского государственного университета культуры и искусств Н.И. Гендина, выйдя со своими предложениями на международный уровень и получив всемирное признание.

Наконец, четвёртое выражение библиотечного гуманизма — «создание творческой атмосферы, стимулирующей познавательную активность посетителей библиотеки». Это предполагает наличие как общетеоретической подготовки — знания педагогики, психологии, теории социальных коммуникаций, так и владения методиками проведения индивидуальной, групповой и массовой работы библиотек, с учётом динамичных политических,

экономических, идеологических, культурологических и иных изменений, происходящих в обществе.

Стремление же вместо того чтобы взвешенно сочетать фундаментальную и прикладную подготовку, всего лишь по-быстрому ознакомить студента с сиюминутными новейшими информационными технологиями, — это для вуза заведомо проигрышная позиция. Во-первых, за этими технологиями не угонишься: сам В.К. Степанов пишет, что переучивать надо каждые два года. Значит, успевать переучивать, причём непрерывно, придётся только самих преподавателей. Студентов обучать первые два года бессмысленно: к четвёртому курсу, как уверяет В.К. Степанов, технологии кардинально изменятся. Спешно натаскивать их перед госэкзаменом? Но их знаний хватит только на последующие два года, а что дальше? Во-вторых, это будет не фундаментальная университетская, а элементарная курсовая подготовка.

Выход видится в другом: вузы дают глубокие, основательные теоретические знания, знакомят с основными тенденциями и направлениями технологического развития. Собственно информационно-технологическую подготовку студенты по мере возможности получают в учебных лабораториях и на производственной практике. Их фундаментальная подготовка подкрепляется непрерывным дополнительным образованием по месту работы (концепция образования в течение всей жизни). И пусть каждый уровень образования будет силён в своей области, пусть они подпирают друга, а не выясняют, кто из них нужнее и прогрессивнее.

Любовь Борисовна ЗУПАРОВА

доцент, кандидат педагогических наук, отв. редактор журнала «Школьная библиотека»

История разработки учебника и учебной дисциплины «Аналитико-синтетическая переработка информации»

Данная дискуссия не могла не заинтересовать меня, одного из авторов первого учебника для студентов вузов «АСПИ»¹, написанного в МГУКИ под руководством доктора педагогических наук, профессора Ю.Н. Столярова.

Ход мыслей профессора В.К. Степанова создаёт впечатление, что обсуждаются не проблемы библиотековедения, гуманитарной науки, а какая-то техническая область знания: «воспроизводство на букридерах», «планшетные

компьютеры», «приспосабливаемые устройства», «интернет-приложения» и т.п. Для библиотековедения всё это только средства, которые она использует для реализации собственных целей. Именно о них должна идти речь в новых учебниках направления «Библиотечно-информационная деятельность».

Автоматизация библиотечно-библиографических процессов — дело, безусловно, важное, но не главное для библиотек. Главными являются процессы, связанные с обслуживанием читателей, характеристикой, идентификацией, отбором и поиском документов, созданием вторичных документов. Именно вторичный документ — глав-

¹ Зупарова Л.Б., Зайцева Т.А. Аналитико-синтетическая переработка информации: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 052700 – «Библиотечно-информационная деятельность» / под ред. Ю.Н. Столярова. – М.: Издательство «Файр», 2007. – 400 с.

ный продукт, производимый организациями системы документальных коммуникаций. При их создании, безусловно, используются современные технологии, но при сохранении собственных методик, методов и приёмов работы. Причём, именно сохранение методик придаёт библиотечно-библиографическому, информационному, архивному делу устойчивость.

Вспоминаю, с каким трепетом в начале 1970-х гг., будучи студентами, мы слышали от преподавателей курса «Информатика» о скором завершении эры Гуттенберга. Но она не исчезла, а лишь возникла ещё в одной форме. Теперь эйфория, связанная с верой в оцифрованный и электронный мир, меня не захватывает. Пока я замечаю лишь то, что компьютеры обновляются, их программы совершенствуются, а электронные каталоги уступают карточным, но не в скорости обслуживания, а в главном, в содержании. Обидно, что в тех нередких случаях, когда с помощью информационных технологий не удаётся решить библиотечно-библиографические задачи, нас начинают убеждать в несовершенстве и архаичности последних, вместо того, чтобы

до них дотянуться. Я имею в виду систематические каталоги и поиск по классификационным индексам.

Чем больше объём информации, тем сложнее в нём ориентироваться, а библиотеки обладают огромным опытом ориентации в крупных массивах социально значимой, серьёзной, полезной для общества информации. Это их ниша.

Убеждена, что чем острее будет стоять вопрос об упорядочении информации в интернет-среде, тем больше будут востребованы библиотечно-библиографические знания. Думаю, что их, скорее всего, переименуют, и новые поколения информационных технологов припишут их себе.

Завершая рассуждения, вызванные дискуссией двух уважаемых профессоров, выскажу убеждение, что кризисное положение библиотеки завершится тогда, когда станут востребованными качественное производство, наука, образование, которые она всегда обслуживала. А сегодня нам надо активнее продвигать всё лучшее, что было создано в недрах библиотечно-библиографической теории и практики, и тогда, может быть, и интернет-среда станет более упорядоченной и безопасной.

Евгения Николаевна ГУСЕВА

заместитель директора Департамента науки и образования, начальник Отдела библиотек и архивов Министерства культуры РФ, председатель Секции по библиотечному менеджменту и маркетингу РБА

Спор физиков и лириков на обломках старого мира

Читая эту дискуссию, честно скажу, периодически хотелось бросить... Было стойкое ощущение, что коллеги друг друга не понимают. Потом, вчитавшись, поняла, что это не просто непонимание, а разговор разных поколений, разных концепций, жизненных подходов. Конечно, время рассудит этот спор, я же только выскажу некоторые соображения.

Если говорить о моём мнении, то я поддерживаю подход и позицию В.К. Степанова. Совместными усилиями мы постоянно эту позицию озвучивали и обсуждали с коллегами пути выхода из создавшейся ситуации. При этом В.К. Степанова больше интересуют концептуально-технологические аспекты происходящего, а меня — прагматически-менеджерские, организационные и стратегические. Продолжая вчитываться в спор высочайшего накала и концептуальности, восхищаясь остроумием и начитанностью спорщиков, не могла отделаться от ещё

одного ощущения: это — спор физиков и лириков. Помните такой?

Вот, например, пассаж Вадима Константиновича (типичного «физика»): «И дело даже не столько в изменении инструментария, повлёкшего серьёзные преобразования методов работы, как уже было указано выше. Дело в изменении функций библиографических подразделений». Полностью солидарна с этим мнением, думаю, многие коллеги согласятся со мной, что уже изменились функции и библиографии, и библиографов; будут меняться и дальше. Это не означает, что библиографическая деятельность не нужна, это означает, что она подверглась серьёзнейшим изменениям, и пользователи ждут от неё другого, не того, к чему мы — сотрудники библиотек и выпускники вузов культуры — привыкли.

Это происходит потому, что многие профессии стали просто не нужны или их ареал деятельности значительно сократился. Нравится нам это или нет, но это так. Мы можем принимать или не принимать новшества, но они уже есть: мудрейший и оригинальнейший Эдуард Рубенович Сукиасян, выступая в полемике на дискуссионной площадке конференции EVA — 2012 «Библиотечные ценности в цифровой среде», сказал «Я не люблю электронный каталог...». Люби, не люби, но он есть, он оправдал своё создание и существование, и дал нашим

пользователям множество дополнительных возможностей.

А то, что у любого электронного каталога полно недостатков... а у кого их нет? Но — а вот это самое «грустное» — те, кто работают с ЭК, обязаны обладать специальными знаниями, навыками, умениями (компетенциями), а для обслуживания этой деятельности их много и не надо.

Кто виноват? Тот самый прогресс. Но не стоит обвинять злокозненные транснациональные корпорации в технологической гонке... Мы все живём в этом мире и никому уже не приходит в голову менять варочную панель плиты, микроволновку и холодильник на очаг, питаемый дровами, и погреб, набитый с зимы припасённым снегом.

Меня неприятно поразило то, что А.В. Соколов отказывает библиотекам в будущем, цитирую: «Однако не уверен, что российские библиотеки в состоянии выдержать три приступа «технологической лихорадки» с периодичностью в три года. Боюсь, что кризис российских библиотек завершится незапланированным летальным исходом». А В.К. Степанов, наоборот, говорит о том, что у библиотек есть будущее, но при существенном изменении форм работы и целей этой работы.

Являясь действующим преподавателем, я не понаслышке знаю и проблемы нашего сегодняшнего библиотечного образования, и «качество» студентов, попадающих на наши библиотечные факультеты, и то, с какими трудами набираются эти студенты... Это то, что в образовательной сфере кризис не является секретом ни для кого. И, во многом, он тоже обусловлен концептуальными и технологическими изменениями в обществе. Ждать выхода учебника по несколько лет ни один преподаватель или студент себе позволить уже не может, актуализация предметов происходит постоянно именно потому, что мы готовим специалистов, которые будут обслуживать самую быстроизменяющуюся отрасль в обществе — отрасль подготовки, распространения и сохранения информации. Но тогда встаёт вопрос, как их готовить —

специалистов этих? Сегодня наши бибфакультеты производят удручающее впечатление, особенно дневные отделения...

Точно также и с учебниками: студенту надо давать актуальную информацию особенно по специальным предметам (вроде АСПИ, библиотечного маркетинга, библиотечного обслуживания, работы с АБИС и др.), а теоретическая подготовка должна быть параллельна или предварительна — философия, науковедение, системный анализ, кибернетика, язык и т.д. И это должен быть базовый минимум. И заметьте — это всё предметы отнюдь не библиотечного цикла. И не надо библиотековедам «тянуть одеяло на себя». Если человек захочет, он дальше будет изучать философские основания своей деятельности, и библиотеки тут ему в помощь.

Гуманность можно сделать «лозунгом» и целью работы библиотек, но хотелось бы получить более точные ответы на все высказанные В.К. Степановым вопросы. И примерную схему действий. Потому что под благие слова никто бюджета не даст. И это абсолютно правильно. Под сказки денег не дают. Их дают под конкретные проекты. Пока же мы имеем только разглагольствования о нашей высокой культурной миссии, но даже сформулировать её не в состоянии. Или не хотим?

Может быть, стоит начать работать, предельно трезво глядя вперёд? Я считаю, что наше профессиональное общество и наша отрасль уже прошли некую точку невозврата, назад пути нет, плач об уходящей натуре бесперспективен. Не во всём соглашаясь с предельным технократизмом В.К. Степанова (хотя ему в определении технологических перспектив можно и нужно доверять), я поддерживаю его в поиске путей развития и объяснения того, что если мы не будем соответствовать требованиям общества и готовить сотрудников, готовых работать на опережение, общество найдёт тех, кто будет «заведовать» его культурной и информационной составляющей. Так что мы будем продолжать работать, а споры отцов и детей — они будут всегда.

Сергей Александрович БАСОВ

заведующий научно-методическим отделом библиотековедения Российской национальной библиотеки, член Совета Российской библиотечной ассоциации, кандидат педагогических наук

(не) Страшное информационное счастье Вадима Степанова

ДЕЛАТЬ ЛУЧШЕ СЕБЕ, ИЛИ ДЕЛАТЬ ЛУЧШЕ СЕБЯ?

Дискутанты затронули глубинный нерв библиотечной деятельности, её природу и сущность. Их спор — это продолжение моих собственных размышлений о том, к каким явлениям принадлежит библиотека по своей сущности? Библиотека это, образно говоря, «цивилизация» или «культура»?

Хорошо бы нам всем (а не только В.К. Степанову) понять, что человечество развивается не только создавая (творя) своё бытие в совокупности материальных и социальных факторов, оно развивается и путём поиска смыслов бытия, познавая его и оценивая. Культура формирует восприятие обществом своего прошлого и настоящего, оценивает выбор средств для созидания будущего. Если цивилизация «оперирует» вопросом «**как?**» (каким способом), то культура ставит вопрос «**зачем?**» (в чём смысл). Цивилизация в своей основе технологична, культура аксиологична. Цивилизация — это стремление сделать лучше **себе**, а культура — сделать лучше **себя**. Между этими векторами в развитии человека и общества существует перманентный конфликт, **в разрешении которого участвуют как отдельные личности, так и социальные институты, в том числе библиотека и библиотекари.**

Оценивая дискуссию, становится ясно (по крайней мере, мне), что В.К. Степанов, предлагая библиотеке бежать «быстрее, чем Алиса», находится во власти технократических иллюзий. Он принял свою цифровую стратегию за реальность и даже не задаётся вопросом — зачем библиотеке это, и кому выгодна такая гонка. Все ли ИКТ, которые востребованы рынком, нужны библиотеке?

СОЦИАЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ ИЗ ТРЁХ... ПРАКТИК

Присмотримся к мысли В.К. Степанова про новое видение библиотеки. В ней «кардинальным образом изменится абсолютно всё» (ужасно, не правда ли?). Кроме одного: «Она сохранит за собой тысячелетний авторитет учреждения, вобравшего в себя мудрость поколений, являющегося подлинным оплотом света, добра и смысла» (а это мне нравится!). Очень амбивалентно получилось: изменить всё, сохранив лучшее. Может, Степанов и не безнадежен, раз искренне видит в библиотеке «оплот света, добра и смысла»? Ведь он солидарен с мнением А.В. Соколова, что «болезни общества лечатся не информационными технологиями, а социально-культурными преобразованиями».

Зачем же тогда менять в библиотеке «абсолютно всё», Степанов? Оставьте нам Пушкина, не сбрасывайте его с библиотечного корабля современности! Он ещё пригодится. Библиотека приобщит к нему читателя, используя не одну (как вы хотите), а все **три** свои коммуникативные практики:

- устные;
- книжные (документные);
- электронные (цифровые).

Так к чему же заранее обеднять библиотеку, отдавая приоритет и предпочтение «цифре»? Это же косность, ограничение, застой. Никакая информационная служба не вытеснит библиотеку, если мы правильно оценим и используем **разнообразие возможностей всех библиотечных практик.**

При помощи социальной конфигурации из трёх практик мы заткнём за пояс любую информационную структуру, которая оттачивает только одну — цифровую. Ведь это так здорово, когда в зависимости от типа и вида библиотеки, категории читателей, мы создаём многомерные библиотечные пространства — из людей, книг и даже цифровых гаджетов. Особенно ценно, что при таком подходе оживает любая библиотека — и Президентская (которой ещё предстоит осознать себя библиотекой) и самая глухая, сельская, затерявшаяся в медвежьем углу, где нет «плёночных экранов», но куда идут люди со своими судьбами и проблемами. Совсем не прав В.К. Степанов, когда утверждает, что «библиотекарь, не обладающий мощным компьютером и уверенным доступом к Сети, не может считаться хорошим, поскольку и одно, и второе являются первейшими орудиями его труда». Пусть я ретроград, но буду бороться за то, чтобы живое слово библиотекаря становилось в цифровую эпоху первейшим «орудием труда» библиотекаря.

С моей точки зрения, библиотечное обслуживание обладает двуединой сущностью, оно **двойственно по своей природе**, ибо опирается на два вида активности: информационную и социокультурную, которые порождают на практике два относительно самостоятельных вида библиотечной деятельности. Их можно сравнить по критерию «время обслуживания». Время информационного обслуживания — от получения запроса до выдачи документа — должно стремиться к нулю. Потребитель склонен минимизировать свои временные затраты на поиск информации, и даже отказаться от услуг библиотекаря в пользу технических средств. А время социокультурной совместной деятельности в пространстве библиотеки должно стремиться к бесконечности. В идеале, это время живого общения читателей и библиотекарей. Библиотека может и должна быть «общительной».

Противоречие между информационной и социокультурной активностью библиотеки можно рассматривать как отраслевой закон библиотечной деятельности, нарушение которого с неизбежностью ведёт к утрате (изменению) сущности социального института, именуемого библиотекой. Как только из библиотеки «уходит» живое общение, как носитель образования и культуры она превращается в «чистый» информационный орган, а «изъятие» из библиотеки документа (доступа читателя к документу) превращает библиотеку в клуб.

ЛОЖКА ДЁГТЯ

А.В. Соколов, подводя итоги дискуссии, посчитал взгляды дискуссионщиков не противоположными, а взаимодополняющими. Тезис о гуманизме целей и технологичности средств их достижения заслуживает весьма внимательного рассмотрения. Кажется,

нашлась общая платформа для гармонизации позиций интеллектуала и интеллигента. НО! В.К. Степанов, со своей стороны, не стал корректно подводить итоги дискуссии. Оказалось, он жаждет «победы» любой ценой, претендует на то, чтобы в глазах общественности выглядеть идеологом и властителем дум. По крайней мере, именно так я прочёл его заключительную тираду.

В итоге дискуссии — обидная ложка дёгтя. В своём «последнем слове» Степанов вдруг выдал собственную версию гуманизма, и откровенно «пнул» Соколова за якобы пассивность, аморфность и непродуктивность его позиции. Да ещё призвал к гуманизму действи-

ному! Бряцая во время всей дискуссии технологическими железками типа: «цифра производительнее, а значит нужнее обществу», в её конце В.К. Степанов рядится в гуманистические одежды своего оппонента, и начинает как бы бить «противника» его же оружием. Заключительная тирада звучит как нравоучение, что абсолютно неприемлемо в профессиональной дискуссии, тем более с человеком, который и старше, и авторитетнее. Степанов учит Соколова гуманизму! Если бы мне сказали такое, я бы не поверил. Мерзкое послекусие, увы... Вынужден констатировать нравственную патологию: у технократов она, видимо, в крови.

Владимир Константинович КЛЮЕВ

профессор, заведующий кафедрой управления информационно-библиотечной деятельностью МГУКИ, председатель Учебно-методического совета вузов России по образованию в области библиотечно-информационной деятельности, Почётный работник высшего профессионального образования РФ

Какое же оно — «библиотечное счастье»..?

Я полностью разделяю точку зрения А.В. Соколова относительно исходной фундаментальности нашего высшего отраслевого образования, гармоничного сочетания общенаучных и специальных знаний у обучающихся и необходимости комплексного освещения в учебниках гуманистических целей и прикладных аспектов библиотечно-информационной деятельности. При этом одновременно соглашаюсь с мнением В.К. Степанова по поводу изменения функционала современной библиотечной деятельности и необходимости подготовки творческих, инициативных и информационно грамотных сотрудников. И здесь нет никакого противоречия, а один тезис логически вытекает из другого.

В условиях реализации ФГОС третьего поколения наше направление подготовки «Библиотечно-информационная деятельность» отнесено к так называемому **академическому бакалавриату** с возможностью последующего продолжения обучения в соответствующих магистратуре и аспирантуре, т.е. предполагается изначально солидная общекультурная и фундаментальная теоретико-методологическая составляющая базового обучения (в отличие от так

называемого технологического, или прикладного, бакалавриата). В то же время у студентов бакалавриата обязательно формируется достаточно обширный комплекс практико-ориентированных производственно-технологических профессиональных компетенций, в том числе в области ИКТ.

Внимательное изучение дискуссии позволило прийти к выводу, что истина, как всегда, посередине, ибо, если не абсолютизировать крайние точки зрения Аркадия Васильевича («библиогуманиста») и Вадима Константиновича («библиотехнократа») по отдельным позициям, то оба не отрицают как важности цикловой общепрофессиональной подготовки (которая, бесспорно, за один учебный семестр не даётся), так и необходимости информационно-технологической составляющей обучения будущих отраслевых бакалавров. Кроме того, участники дискуссии одинаково понимают целесообразность опережающего характера нашего профессионального образования и перспективность концепции актуализации образования в течение всей жизни. Подчеркну, что дискуссия А.В. Соколова и В.К. Степанова лишней раз подтвердила неразрывность проблем собственно библиотек и библиотечного образования, взаимопроникновение этих двух предметных сфер.

Возвращаясь к «библиотечному счастью» и его зримому проявлению, хочу его объективировать, хотя, как известно, счастье каждый понимает по-своему... Для меня это Российская государственная библиотека для молодёжи (РГБМ). Именно здесь создана концептуальная модель и полномасштабно действует все семь дней в неделю востребованная

самой перспективной и наиболее сложной пользовательской аудиторией библиотека нового формата. Каждый раз убеждаешься, приходя сюда, что библиотеки востребованы обществом не сами по себе, а благодаря тем людям, которые в них работают. С гордостью констатирую, что РГБМ — ведущая база практики студентов МГУ-

КИ, что даёт дополнительную уверенность в получении ими должного уровня профессиональной подготовки, а в широком контексте — в привлекательности, жизнеспособности и будущем библиотечной профессии, о чём тоже страстно беседовали на страницах журнала высокочтимые коллеги.

Борис Владимирович ЛЕНСКИЙ

доктор филологических наук, профессор МГУП им. И. Фёдорова

А был ли мальчик-то?

Позволю себе высказать несколько слов, не опираясь на состоявшийся обмен мнениями, а имея в виду ситуацию, складывающуюся сегодня в сфере высшего профессионального образования. С 1 сентября нынешнего года вступил в действие Федеральный закон «Об образовании в РФ», который чётко определяет три уровня профессионального образования, представляющие вкуче своего рода континуум непрерывного образовательного процесса. Активно идёт работа по совершенствованию ФГОС третьего поколения. Эти стандарты и соответствующие им программы, учебные планы ориентируются на серьёзное увеличение времени, которое отводится обучающимся (так теперь называются студенты в новом законе) для самостоятельной работы по освоению тех или иных дисциплин и приобретению необходимых общеобразовательных и профессиональных компетенций. Это представляется особенно важным сегодня, когда осуществляется попытка наладить образовательный процесс по подготовке бакалавров двух квалификаций: академический бакалавр и прикладной бакалавр.

На мой взгляд, требование уделять больше внимания самостоятельной работе студентов вытекает из часто цитируемого в образовательных кругах высказывания кого-то из древних (упоминаются Сократ и Плутарх): ученик — это не сосуд, который надо наполнить, а факел, который надо зажечь. В связи с этим представляется, что существенным образом изменяются и роль препода-

вателя, и роль ученика, и роль учебника. К сожалению, мы, преподаватели, до сих пор не добились должной интерактивности в отношениях с аудиторией, по-прежнему рассказываем, разъясняем, «грузим» обучающихся цифрами и фактами, обрекая их на пассивное восприятие материала. И учебник сегодняшний — всё равно: традиционно бумажный или уже цифровой, — он пригоден главным образом для наполнения сосуда, а не для возжжения факела.

Основным в учебнике должен быть не набор фактов, не инструкция по эксплуатации того или иного гаджета, а метод овладения предметом. Сошлёмся ещё раз на высокий авторитет. Лев Ландау, знаменитый академик, говорил: «Метод гораздо важнее любого открытия, потому что с помощью метода можно сделать много открытий». Наша задача — зажечь факел, используя метод.

Кстати, эта мысль нашла своё отражение и в тезисах обоих оппонентов. «Вопрос в том, чему учить новое поколение библиотечных работников, — говорит А.В. Соколов. — Если их запас профессионализма будет состоять из «самых последних методик, позволяющих грамотно решать прикладные задачи библиотечного обслуживания (это А.В. Соколов цитирует своего оппонента. — Б.Л.) в 2013 г., то в 2015 г. наш студент депрофессионализируется. Профессионал должен знать не только нынешние технологии, но и фундаментальные законы своей науки и практики. Классика — основа профессионализма». В свою очередь, В.К. Степанов выражает своё удовлетворение тем, что «дело дошло до обсуждения концептуальных вопросов библиотечного дела, без решения которых, как учил один, правда, ныне полностью развенчанный классик, вопросы прикладные всегда будут решаться ошибочно. Возможно, это обсуждение явится началом широкой дискуссии, посвящённой тому, какими должны быть учебники для информационной сферы деятельности». ■